

СТАВИМ НА ЛИДЕРОВ!

Встреча Первого заместителя
Председателя Правительства Российской
Федерации Дмитрия Медведева
с представителями молодежных организаций
в издательстве «Европа»

Москва
Издательство «Европа»
2008

УДК 323.22/28
ББК 66.3(2Рос)8
С 29

Генеральный директор *Вячеслав Глазычев*
Главный редактор *Глеб Павловский*

С 29 Ставим на лидеров! Встреча Первого заместителя
Председателя Правительства Российской Федерации
Дмитрия Медведева с представителями молодежных
организаций в издательстве «Европа». – М.: Издательство
«Европа», 2008. – 48 с.

УДК 323.22/28
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-9739-0131-8

© Издательство «Европа», 2008

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта брошюра – стенограмма встречи Дмитрия Анатольевича Медведева с активистами и идеологами молодежных организаций, прошедшей в издательстве «Европа» в январе 2007 года. Откровенный диалог, модерлируемый заместителем Руководителя Администрации Президента – помощником Президента Российской Федерации Владиславом Сурковым. Острые вопросы аудиторией и прямые, развернутые ответы.

Тема встречи – приоритетные национальные проекты. Национальные проекты не могут и не должны поддерживать всех. В них сознательно сделана ставка на поддержку лидеров – как, например, в проекте «Образование», где выдаются гранты лучшим педагогам или учебным заведениям. Особый интерес молодых лидеров вызвала, естественно, проблема «карьерного лифта». Медведев считает, что за успехами молодых талантов необходимо следить и создавать им условия, чтобы те включались в общую работу. На их основе надо формировать кадровый резерв, продвигать их дальше. Здесь особая роль принадлежит партиям и молодежным организациям.

Значительное внимание было уделено развитию институтов демократии в России, базовым институтам демократии, а также идеологии суверенной демократии. От этой философской темы Дмитрий Медведев перешел к работе команды Владими-

ра Путина, в которой рабочие дискуссии сочетаются с трудом на общее дело – на благо России.

Медведев заметил, что «Центр стратегического планирования» государства, своеобразный «штаб управления», должен находиться в самом государстве. Если этот «штаб» находится в другом месте, то такое государство, как правило, «плохо заканчивает». Штабы – это Президент, правительство, парламент, гражданские объединения – вся система конституционных институтов России.

В целом стенограмма представляет читателю важные эксклюзивные материалы, касающиеся национальных приоритетов развития страны. Диалог Дмитрия Медведева с молодежными лидерами – прекрасный образец актуальной русской политической культуры. Путинский командный стиль отличает и саму атмосферу встречи.

Владислав Сурков, заместитель Руководителя Администрации Президента РФ. Всем добрый вечер. Сегодня у нас в гостях находится Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев. Вас интересовали, интересуют и, надеюсь, будут интересовать вопросы, связанные с реализацией приоритетных национальных проектов. Все мы знаем, что Дмитрий Анатольевич непосредственно курирует их реализацию. Вы сегодня сможете задать ему любые вопросы, и он на них, я уверен, ответит полно и с той степенью глубины, которая вас будет интересовать. Хотел бы Дмитрию Анатольевичу сказать, что ребята готовили собственные работы по их видению реализации национальных проектов. Я знаю, что вы даже успели с ними ознакомиться. И хотел бы, Дмитрий Анатольевич, попросить вас начать наше собрание, наш разговор.

Дмитрий Медведев. Добрый день, коллеги. Я никаких вводных вступительных слов говорить не буду, тем более что вы уже успели поговорить по каким-то другим делам и, может быть, немного по национальным проектам. Об этом сейчас говорят и пишут много, в том числе и ваш покорный слуга это достаточно часто делает. У вас явно есть об этом представление. Я действительно посмотрел те ра-

боты, которые мне дали предварительно. Работы любопытные. Самое главное, что они разные, и это хорошо. Это означает, что нет единства понимания, но в то же время есть ощущение, что национальные приоритеты — это все-таки важная часть нашей современной жизни. Собственно говоря, и есть квинтэссенция работы, которую ведет государство по социально-экономическим проблемам. Я в вашем распоряжении, отвечу на ваши вопросы.

Глеб Павловский. Хорошо, тогда прошу задавать вопросы. Дмитрий Писаренков, «Наши», из Санкт-Петербурга.

Дмитрий Медведев. Это естественно, что Питер начинает.

Глеб Павловский. Полный тезка Дмитрия Анатольевича.

Дмитрий Писаренков. Дмитрий Анатольевич, хотелось бы задать вопрос вам такого плана. При самом начале реализации национальных проектов вы на заседании правительства, которое вели, заявили о том, что все ваши подчиненные должны работать с полной отдачей сил и, если даже понадобится, круглосуточно. Также в последней вашей статье в «Коммерсанте» вы акцентировали свое внимание на том, что нацпроект имеет глубинную цель по достижению задач развития. И... как бы это сформулировать получше...

Дмитрий Медведев. Так и формулируйте — прямо.

Дмитрий Писаренков. ...И обеспечение благосостояния каждого гражданина России посредством реализации данных нацпроектов.

Как вы считаете, ваши подчиненные, непосредственно министры то есть, смогли ли также зарядить на активную работу как идеологически, так и физически своих подчиненных?

Вот в связи с двумя этими тезисами у меня возник вопрос к вам. Как вы думаете, они работают на сто процентов или у них еще потенциал для профессионального роста? Спасибо.

Дмитрий Медведев. Я думал, что вы иначе спросите: «Считаете ли вы, что сами работаете на сто процентов или же есть еще какие-то проблемы?» Если серьезно говорить, то все неплохо работают, если по-честному. Я, действительно, когда начинал эту работу, новую для меня, непривычную, то полагал, что придется подхлестывать, заставлять какие-то вещи делать, но в целом, может быть, один из самых позитивных итогов прошлого года заключается в том, что национальными проектами все занимаются с удовольствием.

Сейчас я даже говорю не о своей команде, о людях, с которыми я работаю непосредственно, — конечно, они работают вместе со мной, и, на мой взгляд, работают добросовестно и, что называется, по полной программе.

Но и другие уровни принятия решений – и региональный уровень, и муниципальный уровень – почувствовали, что это и есть живая работа, живая ткань современной жизни. Поэтому у всех, как мне кажется, работа над национальными приоритетами превратилась в постоянную заботу.

Это то, чем занимаются регулярно. Другое дело, что есть много проблем — они, может быть, напрямую-то и не вытекают из национальных проектов, — по которым у нас есть большие сложности. Их много по каждому национальному проекту. Например, достаточно часто вспоминают проект по жилью и ситуацию с землей. Это вроде бы не элемент национального проекта, но без того, чтобы разблокировать ситуацию с землей, превратить ее в работающий актив, сделать доступной, ничего не идет. По этому

поводу приходилось – да и сейчас до сих пор приходится – довольно жестко указывать. Но это не значит, что работа над проектами сопровождается тотальной войной со стороны бюрократии против этих проектов. Нет. Работа идет, на мой взгляд, достаточно слаженно, но есть очень трудные темы, по которым приходится стимулировать всех, в том числе и органы власти.

Глеб Павловский. Оля Варакина из Орла, «Школа молодого лидера». Она написала одну из лучших аналитических работ.

Ольга Варакина. Как раз вы упомянули тему жилья. Мой вопрос именно по этой теме. В рамках реализации данного проекта, в частности, в Орловской области практикуется следующая вещь: на фирму-застройщика накладывается так называемое дополнительное обременение. В результате чего застройщик должен не только возводить дома, но и создавать инфраструктуру, прокладывать коммуникации. Это все автоматически включается в стоимость жилья, и оно становится все менее доступным для наших граждан. Вопрос состоит из двух частей. Первая часть:

планируются ли масштабные проекты государственные с серьезными вложениями именно в создание и развитие такой инфраструктуры?

Дмитрий Медведев. Вы знаете, видимо, ваша работа самая интересная, потому что мне ее не дали. У меня есть работы других товарищей, но вашу я не читал. Но это на ночь сделаю – почитаю повнимательнее.

Значит, система государственной поддержки существует. Она, кстати, существует и у вас (на Орловщине я был достаточно уже давно, почти год назад).

Существует она и в масштабах страны, в рамках национального проекта «Жилище» есть отдельная программа, состоящая из несколько подпрограмм, которая включает в себя такие элементы, как затраты на создание коммунальной инфраструктуры.

Почему мы этим занимаемся? Потому что если это действительно вешать на граждан, которые в конечном счете оплачивают жилье, то стоимость жилья станет совершенно неудобоваримой и люди не смогут ничего приобрести. Поэтому это тема, в которой участвует государство. Участвует при помощи нескольких механизмов. Механизм номер один — это государственные субсидии на кредитную ставку, которая предоставляется субъектам Федерации, организациям, юридическим лицам — застройщикам. С нового года мы изменили порядок на то, чтобы вот эту часть ставки делать ниже и за счет этого привлекать дополнительные банковские ресурсы. Значит, на эти цели в следующем году будет израсходовано порядка 5,5 млрд. рублей.

Инструмент номер два — государственные гарантии — тоже для того, чтобы заниматься коммунальной инфраструктурой. Также они предоставляются регионам, и регионы могут эти государственные гарантии использовать. Это то, что касается государственной поддержки. Есть и другие вложения, которые мы делать собираемся. В частности, 3,5 млрд. рублей выделяется для того, чтобы подводить дороги к малоэтажной застройке. Это, собственно, денежная и юридическая составляющие. Но, конечно, без нормативной основы мы двигаться тоже не можем. У нас — чем, может быть, проектный подход и отличается от всех других — появляются какие-то проблемы в ходе реализации, мы достаточно

быстро на них отвечаем, причем в форме нормативного материала, нормативных актов, которые принимаются Государственной Думой или правительством.

Это очень удобно, потому что если, допустим, в обычной ситуации путь от постановки проблемы до ее государственного решения может измеряться годами, то применительно к работе над проектами иногда этот путь укорачивается до нескольких месяцев.

Приведу один любопытный пример. В прошлом году мы начали как раз говорить о не очень высокой эффективности этих государственных гарантий в прежней конструкции. Надеюсь, в этом году они будут более эффективно использоваться. И пришли к выводу, что без полноценного залога земли, которая принадлежит муниципалитету, банки деньги давать не будут.

А этот залог, как ни странно, у нас до последнего времени был в закрытом состоянии. Он как бы вроде и был и в то же время юридически, по сути, не разрешался. И мы сформулировали с коллегами эту идею в сентябре, а в декабре Государственная Дума уже приняла изменения в Земельный кодекс. С такой скоростью, откровенно говоря, я просто не помню, чтобы мы когда-то работали над решением проблем. Это хорошо, это показывает, что этот самый проектный способ, который был избран и который, по сути, пришел из бизнеса, он все-таки дает результаты. Если навалиться, то можно много хорошего сделать.

Ольга Варакина. И вторая часть:

планируется ли создание благоприятных условий, системы поддержки тех граждан, которые строят жилье собственными силами?

Дмитрий Медведев. Да, у нас в стране сейчас по прошлому году 47% жилья, которое введено, — это малоэтажное, которое в личной собственности находится, в частной собственности. О чем это говорит? О том, что все-таки происходит переориентация направлений жилищного строительства. Если раньше мы ориентировались на то, чтобы все-таки создавать большие дома и в них селить людей в большом количестве, то сегодня мы убедились в том, что это не очень хорошо для России.

В большинстве регионов существуют программы малоэтажного строительства. Не так давно я был в Белгородской области — там просто приятно посмотреть: все пространство застройки покрыто небольшими домиками.

То есть это модель, реально существующая уже сегодня.

В Белгородской области 70%, даже чуть больше, нового жилья, которое там строится, — а там строится много, под миллион квадратных метров в год, и они этим давно занимаются, используют не только традиционную ипотеку, но и жилищно-накопительные программы, которые для людей несколько более просты, — так вот, все это малоэтажная застройка.

Такая застройка — это все-таки использование собственных возможностей. Это участок земли в собственности, которая, кстати, там, в Белгородской области, дается на льготных началах (участок земли там стоит, по-моему, от 10 до 15 тыс. рублей — вполне достаточный для строительства, от 20 до 50 соток).

Поэтому мы решили это направление сделать генеральным. Тем более опыт других стран доказывает, что это и у них стало основным направлением жилищного строительства – и в Европе, и в Соединенных Штатах. И уже тем более это актуально для нас – в стране, где такие огромные просторы и так много земли, которая не используется. Поэтому уже в ближайшие несколько дней в Думе начнется рассмотрение закона об изменении Жилищного кодекса, в который вносится специальный раздел, посвященный малоэтажному строительству, то есть тому строительству, которое ведут граждане, с использованием различных форм стимуляции этой работы.

Там и отдельные специальные виды кооперативов, которые будут заниматься совместной эксплуатацией инфраструктуры, и льготы различные. Вот такой нормативный акт подготовлен нашими коллегами-депутатами по итогам работы президиума по приоритетным национальным проектам и уже, насколько я знаю, внесен. Меня коллеги из Государственной Думы об этом информируют.

Глеб Павловский. Михаил Мошкин из Евразийского союза молодежи. Он провел для своей работы собственный опрос практикующих врачей.

Михаил Мошкин. Уважаемый Дмитрий Анатольевич, у меня, собственно, два вопроса. Первый: национальные проекты предполагают четкие сроки реализации, и

будут ли и в дальнейшем приоритетные нацпроекты ограничены временными рамками или станут неотъемлемой частью проводимого правительством экономического курса?

Если верно последнее, то какие, на ваш взгляд, национальные проекты могут быть осуществлены в дальнейшем, в дополнение к четырем уже существующим?

Дмитрий Медведев. Спасибо. Михаил, значит, начнем с судьбы проектов, что с ними будет дальше. Я сейчас положительные вещи отмечал по проектной работе. И действительно считаю, что это действительно так. Но для того-то мы и сформулировали эти идеи как проектные, Президент их предложил для реализации, чтобы понимать, что у них есть конечный срок. Потому что в противном случае это программа строительства коммунизма. Мы просто можем заниматься этим годами безрезультатно. И у проектов есть, соответственно, намечены определенные контрольные цифры и срок завершения работы. У всех проектов он разный. Потому что задачи, которые положены в основу проектов, конечно, сохранятся: и жилье будет актуальным для наших людей и через десять, и через 20, 30 лет. Потребности растут, молодые люди хотят получить свое, новое жилье.

Но работа по данным проектам с достижением соответствующих контрольных цифр, с выходом на определенные результаты (они в каждом проекте разные) завершится в те сроки, которые были объявлены, то есть это в 2009 году.

Это не значит, что после этого невозможно, допустим, сформулировать какое-то продолжение этих проектов, но это уже будет нечто новое. Это уже будут новые целевые ориентиры, новые задания. Вся та работа, которой мы сейчас занимаемся, на мой взгляд, должна превратиться в рутинную деятельность правительства. Все новые расходы, которые появились, должны войти,

как говорят финансисты, в базу финансирования государственных расходов: в выплаты врачам, учителям и так далее. Поэтому такова судьба тех проектов, которые сегодня реализуются.

Но нам еще нужно достичь тех результатов, достичь тех целей, которые мы поставили. Это непросто, в этом году и в следующем году предстоит большая работа. На мой взгляд, браться за какие-то новые проекты можно в том случае, когда есть очевидные успехи по существующим. И нам приблизительно понятно, каковы сферы, куда можно было бы обратиться государственный взор, но делать это нужно тогда, когда мы справимся вот с этими задачами, во-первых. И во-вторых: для того чтобы на уровень проекта вытащить какую-то новую сферу, мы должны правильно сформулировать задание, чтобы нам потом не погрязнуть в мелочах и не собирать обиженные отзывы от деятелей культуры или, например, работников науки, которые тоже, естественно, хотели бы видеть эти сферы в качестве элементов государственного проектирования.

Михаил Мошкин. Второй вопрос имеет скорее политический характер. На недавно завершившемся Всемирном экономическом форуме в Давосе вы, говоря о демократии, подчеркнули, что демократия как общественное явление, как юридическая конструкция, не требует специальных пояснительных слов и является вполне универсальным термином. Таким образом вы фактически оппонировали присутствующему здесь Владиславу Юрьевичу Суркову.

Как, на ваш взгляд, допустимо ли применение термина «суверенная демократия» и есть ли, на ваш взгляд, какое-то отличие от просто демократии?

Дмитрий Медведев. Мы с Владиславом Юрьевичем рассуждаем на эту тему уже года три, наверное. Так?

Владислав Сурков. Да.

Дмитрий Медведев. Это никак не было связано ни с какими выступлениями, Давосами, даже программами. Просто у нас был такой дружеский разговор по поводу того, как описывать те или иные политические явления.

Вы знаете, я считаю, что допустимы любые термины, и неоднократно говорил, что не в терминах дело. В Давосе сказал, и здесь готов повторить простую вещь: важен реальный политический режим, сформировавшийся в стране. Демократия — это именно элемент политического режима. Мы прекрасно понимаем, что если взять элемент юридической конструкции, то республика в Древнем Риме, Французская Республика и республика Российская Федерация довольно существенно отличаются друг от друга, притом что, в общем, казалось бы, это форма правления, которая используется человечеством уже на протяжении нескольких тысяч лет.

То же самое можно сказать и о политическом режиме, о демократии. Человечество довольно давно выработало набор подходов. Но когда меня спрашивают о том, что мне лично нравится в большей степени, — мне нравятся классические определения, меня так в университете приучили. И мне кажется, что

сама по себе демократия, в том виде, в котором она сформулирована уже достаточно давно, — это универсальная конструкция. В то же время я считаю, что применительно к тому небольшому терминологическому спору, который возник вокруг этой темы, никаких капитальных расхождений нет.

И я, и Владислав Юрьевич, и другие коллеги, которые по этому поводу высказывались, сегодня исходят из того, что демократия может быть эффективной только в условиях полноценного государственного суверенитета, а суверенитет как независимость государственной власти внутри страны и вне ее может давать свои результаты только в условиях демократического политического режима. Вопрос скорее в акцентах.

Вот что я могу вам сказать, Михаил Сергеевич.

Владислав Сурков. Мне кажется, что вопрос касается в том числе и меня, и я позволю себе вмешаться в разговор. Я тоже хочу подтвердить — я работал под руководством Дмитрия Анатольевича долгое время, мы с ним общаемся не через газеты, а непосредственно — и, естественно, много раз обсуждали и проблемы политического строительства и развития России. Я открою страшную тайну: мы, по большому счету, единомышленники, что в принципе сказал и Дмитрий Анатольевич, и расхождения действительно только в терминологии. А это, знаете, все-таки нюансы. Я, например, считаю так: Дмитрий Анатольевич говорил, что ему нравится группа Deep Purple — она мне тоже нравится. Но ему нравится песня Kentucky Woman, а мне Lazy. Ну, по большому счету, это...

Дмитрий Медведев. Kentucky Woman не очень нравится, а Deep Purple нравится.

Владислав Сурков. Ну, например...

Дмитрий Медведев. Есть общие песни, которые мы совместно поем.

Владислав Сурков. Да. Но никому не скажем. Поэтому спасибо, Дмитрий Анатольевич, я думаю, что ответ исчерпывающий. Извините, что вторгся.

Глеб Павловский. Юрий Щербаков из Сталинграда, извините, из Волгограда...

Дмитрий Медведев. Во как!

(Смех в зале)

Глеб Павловский. ...Из нашей организации «Наши люди». Его работа сегодня подвергалась некоторой критике за перегрузку

статистической информацией и некоторую избыточную аналитичность.

Юрий Щербаков. Дмитрий Анатольевич, возвращаясь к статье, которую вы опубликовали в газете «Коммерсант» 25 января. Вы даете понять, что реализация национальных проектов вписана в более глобальную цель, которую вы формулируете как развитие страны, развитие прежде всего человеческого капитала. Реализацией национальных проектов занимаются министерства, ведомства, региональные власти – словом, исполнительная власть страны. А кто, на ваш взгляд, должен заниматься решением методов стратегического развития страны, то есть планированием в целом всего развития страны? В этой связи, как вы считаете, уместен ли, нужен ли стране центр стратегического планирования по аналогии с корабельным делом – допустим, капитан и штурман?

Нужен ли такой центр в стране, в котором бы принимали участие люди, становясь не только субъектами реализации, но также и объектами реализации национальных проектов в том числе?

Дмитрий Медведев. Спасибо. Не понял я, за что вас критиковали – за избыточную аналитичность? За это не стоит, наверное, критиковать. Я, откровенно говоря, сторонник простых схем, причем с учетом, наверное, юридического мышления, схем, которые все-таки покоятся на законе, а не на субъективных предпочтениях.

У нас есть в стране штабы, которые отвечают за развитие государства, за развитие общества. И эти штабы, если брать по-серьезному, это и есть органы управления государством.

Если в государстве возникает ситуация, что штаб управления находится в другом месте... Как правило, это государство плохо заканчивает.

Каковы эти штабы? Это Президент. Это правительство. Это Федеральное Собрание, то есть наш парламент, состоящий из двух палат. Вот набор участников работы по формированию подходов к развитию страны, который существует сегодня. В этих организациях, естественно, работают разные люди. Правительство может быть более или менее эффективным, могут быть успехи или неудачи. Но работа эта должна вестись именно там, а не где-то в других местах.

Но одновременно думать о развитии страны, естественно, должны и другие институты гражданского общества. Им никто это не запрещает, наоборот, такая активность всячески поддерживается – это хорошо. Этим должны заниматься партии. Этим должны заниматься другие общественные объединения. Этим могут заниматься всякие неформальные образования.

Но все-таки центр принятия решений и соответствующая ответственность должны находиться вот именно в тех структурах, которые я перечислил, и иного в государстве быть не может.

Глеб Павловский. Кто еще хочет задать вопрос? Миша Бударгин из Великого Новгорода.

Михаил Бударгин. Дмитрий Анатольевич, у меня есть общий вопрос, который имеет некую частную реализацию, к сожалению.

нию, пока из вашей коммерсантовской статьи многим, мне в том числе, это не очень понятно.

Когда мы говорим о действиях власти в рамках нацпроекта — ну вроде бы все понятно. Но когда мы говорим о реакции низовых структур управления и об их действиях, и об их субъектности в этой стратегии, то остается большой вопрос.

И конкретное, например, приложение нацпроекта «Образование», где некое экспертное научное сообщество выключено из работы на самом деле. Учительская среда оказалась, как ни странно, не способна к субъектности, как мы можем наблюдать сейчас. Вот главный вопрос: это вопрос появления на низовых уровнях людей, которые будут поддерживать национальный проект.

Дмитрий Медведев. Я как-то уже в нескольких местах говорил о важности того сигнала, который был сформулирован наверху Президентом, затем правительством, и о необходимости доведения этого сигнала до глубинки, до тех мест, где, собственно, и происходит реализация.

Это действительно, может быть, самая важная и самая сложная часть нашей работы. Чтобы все это не угасало на уровне министерств и на уровне руководителей субъектов Федерации. Мне кажется, что все-таки сигнал проходит. Где-то лучше, потому что проводимость среды лучше. Где-то хуже, потому что существуют какие-то изоляторы внутри этой среды. Но тем не менее этот сигнал идет.

Вы употребили красивое слово «субъектность». Мне как юристу его приятно слышать, особенно имея в виду правосубъектность и вообще возникновение субъекта тех или иных отношений. Вы правы. Вы правы в том, что без полноценных участников вот эта работа идти не может. И субъектность, как вы сказали, возникает в том случае, когда люди понимают, чего от них хотят, когда они готовы этим заниматься и им нравится эта работа.

Но считать, например, что в рамках национального проекта «Образование» существует глухая стена, скажем, между теми решениями, которые прорабатываются в Москве, и реализацией этих решений где-нибудь в любом из регионов, — я все-таки так пессимистично не настроен.

Применительно к единому госэкзамену — вы его имели в виду. Знаете, это такая штука, которая может нравиться или не нравиться, но она уже довольно активно работает. Всегда будут люди, которые будут считать, что это неправильно. Но в целом эффективность единого госэкзамена сегодня уже для многих очевидна. Это упрощает оценку знаний.

Да. Есть там шероховатости, есть проблемы. Что же касается мнения конкретного учителя, конкретного педагога, то это, может быть, действительно самое сложное — сохранить его в проектной работе. Но это тоже возможно.

Потому что в той статье, о которой вы сказали, там говорится о ставке на лидеров.

Мы не можем поддерживать всех. Это просто нереально и иногда даже и безнравственно. Нужно поддерживать тех, кто хочет работать, кто своими уроками, кто своей ежедневной, может быть не всегда заметной, деятельностью доказывает, что он способен приносить пользу.

Поэтому ставка на лидеров должна быть во всех проектах, и в «Образовании» в том числе. Мы в рамках этого национально-приоритета в прошлом году выдали довольно большое количество грантов. Когда мы начинали этим заниматься, очень многие мне говорили: «Ну зачем вы это делаете? Вы перессорите педагогов. У них небольшая зарплата, а те педагоги, которые получают по 100 тыс. рублей, они просто будут вызывать ненависть у других». Вот если так к этому относиться, то лучше ничего не делать.

Все-таки мы должны поддерживать лучшие образцы педагогической деятельности. В то же время мы должны заниматься и рутинными вещами.

Мы, кстати, и в прошлом году этим занимались, и в этом году будем заниматься – создавать новую финансовую основу деятельности образовательных учреждений. В прошлом году был принят закон об автономных учреждениях, который направлен на то, чтобы такую основу заложить. В этом году мы создадим новые пилотные модели в 20 регионах нашей страны, где будет осуществлен переход на нормативно-подушевую систему финансирования, когда деньги следуют за учеником. Это позволит увеличить заработную плату педагогам всем. Это просто как бы подтягивание их до человеческого уровня зарплаты. Потому что они мало получают, отдельных тем не менее нужно стимулировать в соответствии с теми заслугами, которые они имеют. Поэтому нужно и тем и другим заниматься. Но ставка на лидеров – это все-таки, может быть, один из важнейших элементов нашей работы.

Глеб Павловский. Я забыл сказать, что Михаил Бударгин – это представитель «Молодой гвардии» в Великом Новгороде, а теперь – «Наши» в Саранске. Александр Саликов, ваш вопрос.

Александр Саликов. Добрый вечер, Дмитрий Анатольевич. У меня к вам такой вопрос. Понятно, что 2006 год не обошелся без сложностей. В рамках национального проекта, его подпрограммы «Доступное жилье для молодых семей», планировалось, что смогут улучшить свои жилищные условия 27 800 семей.

На конец 2006 года мы добились цифры 21 400 семей. В чем сложность? В 2007 году показатель увеличивается. Какая проблема, как мы ее будем решать?

С чем мы еще столкнемся помимо этой проблемы в рамках именно вот молодежных семей? Спасибо.

Дмитрий Медведев. Вы сказали, что не обошлось без трудностей. Можете не сомневаться, в этом году тоже не обойдется. Так жизнь устроена.

Трудности просто нужно учиться преодолевать. Вы правильно назвали цифры. Действительно, мы планировали, что 27 тыс. молодых семей должны получить новое жилье в рамках федеральной части программы, а получили 23 тысячи. Но вместе с региональными программами это порядка 35 тыс. семей в общей сложности. В этом году мы постараемся выйти где-то на 40 тысяч.

Но, понимаете, здесь какая вещь... Речь идет о штучных ситуациях. У нас в год формируется порядка миллиона молодых семей. А 35, 23 или 40 тысяч, как вы понимаете, — это 3–5%, не более того. О чем это говорит? Это говорит о том, что в целом наша задача не предложить молодым семьям, молодым людям какие-то эксклюзивные условия для того, чтобы они решили свои жилищные проблемы. Потому что в 22–23 года решить жилищную проблему сложно, кем бы ты ни был — выпускником Московского университета, Саранского университета или Гарварда. Это сложно.

Нужен какой-то инструмент. Какой это инструмент? Это та же самая ипотека. В принципе мы исходим из того, что молодежь — это все-таки самая активная, самая здоровая часть наше-

го народа. Поэтому как раз остальная часть должна заниматься решением своих жилищных проблем в рамках стандартных жилищных схем: классической ипотеки, жилищно-накопительных программ, то есть участвовать в этой работе, стараться работать много и зарабатывать деньги для того, чтобы попасть в эти программы и решить проблему таким образом.

Вот эти 27, 23 тысячи — это все-таки случаи особые. Речь идет, например, о программе «Социальное развитие села», когда молодые люди едут в трудные условия. Едут в деревню, где жизнь не сладкая и где жилье является основным элементом мотивации молодого специалиста, чтобы уехать работать врачом, учителем или аграрием в деревню. Это какие-то специальные объекты новые, куда нужны молодые руки. Но, еще раз говорю, в целом решать проблему по жилью для молодежи мы должны не с применением каких-то эксклюзивных схем, а с применением стандартной существующей сегодня схемы, делая ее более доступной.

В прошлом году, кстати, кое-что в этом направлении удалось, несмотря на трудности, вы все хорошо знаете, на жилищном рынке: рост цен, недостаток строительных материалов, который формировался десятилетия.

Тем не менее ипотека в численном измерении в два раза превзошла контрольные цифры. Мы рассчитывали, что выйдем на 100 тысяч ипотек. Общее количество их – порядка 200 тысяч. Мы ориентировались на то, что ставка будет в районе 12% годовых. Мы сделали ее 11%.

Это все равно много. Это много. Но в общем и целом тенденция к понижению ставки есть, и при сохранении макроэко-

номических пропорций, которые есть в стране, уменьшении инфляции у нас есть все шансы довести ставку ипотечного кредита до 6–7%, которые и нужны для того, чтобы он был доступным. Одновременно, конечно, это должно сопровождаться ростом заработной платы, то есть ростом доходов людей, которые принимают участие в социальных программах. Вот эти цифры – 35, 27, 23 тысяч, – они не включают в себя те ипотечные программы, которые идут в регионах и которые построены на принципах социальной ипотеки или на принципах жилищно-накопительных программ. Таких, как на Белгородчине, о которой я говорил, и в других местах. Там количество людей существенно больше. И, может быть, это, кстати, один из тоже весьма позитивных эффектов от работы над проектами. Он заключается в том, что речь не идет о федеральном финансировании, а о софинансировании важнейших направлений нашей жизни. И на каждый рубль, пришедший из федерального центра, регионы, как правило, дают свой рубль.

Они, что называется, поверили в то, что государство этими вопросами занялось, и регионы занимаются ими с не меньшей активностью, чем федеральный центр, а иногда и просто капитально. Я мог бы сейчас ряд примеров привести, но не буду. Просто скажу, что некоторые примеры просто поражают. Когда, допустим, по образовательному проекту на один рубль, пришедший из Москвы, даются 4–5 рублей местных денег. У нас такие программы были в Челябинской области, в некоторых других. Это, конечно, здорово.

Глеб Павловский. Вопрос. Александр Першиков – строгий ценитель эффективного менеджмента и слегка выговаривает национальным проектам за неполную эффективность менеджмента по реализации. Ваш вопрос, пожалуйста.

Александр Першиков. Дмитрий Анатольевич,

каким образом в настоящий момент осуществляется контроль за расходованием средств, выделенных на национальные проекты на каждом из уровней исполнительной власти, и как задействована система казначейства?

Дмитрий Медведев. По поводу контролеров. С контролерами, как всегда, проблем нет. Это такая деятельность, которая человечеству нравится и которой люди занимаются с особой радостью. Это важная деятельность. Ее не нужно гипертрофировать, но ее не нужно недооценивать.

Казначейство федеральное занимается контролем за расходованием федеральных средств в соответствии с законодательством о Федеральном казначействе. И, естественно, все эти траты мимо них не проходят, равно как они не проходят мимо других структур, а именно — Счетной палаты, которая занимается контролем опять же за расходованием государственных средств, президентского контроля — Контрольного управления Президента, других контрольных организаций, которые есть в регионах, правоохранительных органов.

На мой взгляд, как раз задача в том, чтобы этот контроль был эффективным, чтобы контролеры не заходили в одну и ту же организацию по сто раз, а чтобы они выявляли истинные недостатки в работе. Они, конечно, есть. Но заниматься этим нужно адресно. Но пока такая система формируется и определенные результаты уже дает.

Мы создали систему сквозного контроля из Москвы до, соответственно, субъектов Федерации. Кроме того, достаточно эффективными, на мой взгляд, сегодня являются новые элементы контрольной деятельности и системы обратной связи.

Обратной связи, которая должна возникать между гражданским обществом и теми, кто занимается претворением в жизнь национальных проектов. Что я имею в виду? Та же самая интернет-среда и различные интернет-ресурсы, которые сегодня существуют.

Есть сайт специальный, посвященный национальным проектам. Может быть, вы когда-то на него залезали, там адрес rost.ru.

Кроме того, мы в прошлом году презентовали новую систему мониторинга национальных проектов, которая включает в себя данные по всем национальным приоритетам, которые централизуются на специальном сервере и, по сути, создают возможность доступа к этим данным для тех, кто непосредственно участвует в управлении этими проектами.

Можно просто заглянуть и посмотреть на эту картинку. Я это делаю регулярно, практически каждый день. Там неплохая визуализация. Видно, что подросло и что там в красном участке находится, в красной зоне, что не растет. И я надеюсь, что в ближайшее время, буквально сегодня уточнял, на соответствующую мониторинговую программу, на мониторинговый этот сайт появится гиперссылка с сайта rost.ru. И это даст возможность обычным гражданам, которые интересуются, как идут дела, просто залезть посмотреть на текущие цифры, но не говоря уже о возможности обсудить то, как проходит реализация.

Поэтому с контролерами все в порядке. Работать нужно хорошо, тогда все получится.

Александр Першиков. И мой второй вопрос,

насколько возможно в рамках национального проекта «Образование» использование системы «карьерного лифта» для выпускников высших учебных заведений?

Дмитрий Медведев. Теперь в отношении «карьерного лифта». Хорошо бы, конечно, чтобы работа над национальными проектами создавала возможность для прямого карьерного роста у людей, которые добились каких-либо успехов в этой деятельности. Но есть и материальная оценка: те же самые гранты, премии, которые мы раздаем лучшим педагогам, врачам. Это как бы элемент оценки государственной. Как мне кажется, такого рода оценка не должна сводиться только к материальной составляющей. Те люди, которые получили гранты, конечно, должны быть на особом учете у государства, если речь идет о молодежи – тем более. И их работа не должна завершиться просто констатацией их успехов. Их надо двигать дальше, формировать кадровый резерв, рассматривать возможность их перемещения в другие места.

Вообще нам нужно перестать бояться взаимопроникновения различных сред друг в друга. Что я имею в виду? Очень неплохо, когда люди, добившиеся успехов в бизнесе, приходят на государственную службу. Неплохо и когда обратная ситуация существует. Люди, которые зарекомендовали себя на государственной службе, ушли с нее, в рамках, конечно, установленных законом, вполне могут принести пользу бизнесу. То, что существует на самом деле в большинстве государств, которые мы считаем развитыми. Поэтому

здесь не должно быть глухой стены между различными видами трудовой деятельности: государственная служба, бизнес, социальная работа. Все в наших руках.

Надо просто смотреть за тем, как движутся эти процессы. Не терять людей из виду. Мы, откровенно говоря, когда формировали систему оценки достижений школьников по национальному приоритету «Образование», опасались, что если мы не защитим их, то после выдачи соответствующих грантов их просто «растащат». И, может быть, часть из них просто уедет из страны. Этим тоже нужно заниматься. Об этом тоже нужно думать. Понятно, ни в коем случае нельзя возводить каких-либо барьеров. Но тем не менее, если мы видим, что человек талантлив и уже получил какую-то оценку, надо, чтобы государственные организации и работодатели смотрели за его дальнейшим движением. В этом смысле очень важную роль могут играть молодежные организации, могут играть партии. Потому что они как раз смотрят за талантливыми кадрами, они сами в них заинтересованы. Очевидно, что сегодня существует конкуренция на этом рынке. И в общем и целом это неплохо для развития страны, для развития партийной системы, для развития экономики.

Глеб Павловский. Я забыл сказать, что это был вопрос от «Школы молодого лидера».

Дмитрий Медведев. Значит, я попал в точку.

Глеб Павловский. Я позволю себе вклиниться с целью развития темы. Чрезвычайно важна для нас тема связи частного и государственного. Одновременно с реализацией приоритетных национальных проектов идет формирование крупных корпораций, в принципе глобального уровня, практически во всех сферах. Только сегодня прошли сообщения о формировании металлообрабатывающей корпорации номер один в России. Есть ли здесь связь между этими двумя процессами? Может ли один процесс поддер-

жать другой и должен ли? Формирование крупных государственных или государственно-частных корпораций и реализация приоритетных национальных проектов?

Дмитрий Медведев. Глеб Олегович, связь, наверное, есть между всеми социальными явлениями, вопрос в том, непосредственная она или опосредованная. Что из чего вытекает? Я думаю, что когда происходит укрупнение в бизнесе — это неплохо, если не возникает очевидной монополизации, а возникает укрепление, допустим, нашего присутствия на иностранных рынках, возвращение тех позиций, которые мы имели.

Хотя само по себе создание крупных компаний для бизнеса понятно, но для государства это же не самоцель. И уж тем более для государства не является самоцелью создание государственных крупных компаний. Главное, чтобы они были эффективны. Они могут быть и государственные, и частно-государственные, и абсолютно частные.

Лишь бы они, что называется, «мышей ловили» — достигали тех задач, тех целей, на которые рассчитаны.

Когда нас пытаются упрекнуть, что у нас количество государства в экономике увеличивается, это, как правило, следствие недопонимания. Недопонимания того, что Россия — это огромное государство, огромное, беспрецедентно большое государство, самое крупное, в котором для решения ряда задач не может быть ничего иного, кроме как крупный бизнес.

Транспортная система, газовая, нефтяная, дорожная инфраструктура — все это может в условиях России эксплуатироваться толь-

ко крупным бизнесом. Теперь уже не важно, какой это бизнес, государственный или частный, хотя по ряду направлений государство еще довольно долго будет этим вопросом заниматься. Почему? Потому что частный бизнес пока не готов это взять в свои руки. Он не сможет такое количество ресурсов сконцентрировать.

Почему я об этом говорю? Потому что вы спросили: «Где здесь связь?» Крупные социальные программы в этом смысле — это тоже как раз те программы, которые государство пока не может отпустить. Даже, может быть, и хотелось бы, но ни за счет эндаументов, ни за счет каких-то иных частных пожертвований, ни за счет создания альтернативных систем мы ни здравоохранение, ни образование развить в ближайшие годы не сможем. Поэтому государство, естественно, этими вопросами будет заниматься, и делать это на тех принципах, которые объявлены. В этом плане связь между концентрацией бизнеса и концентрацией усилий государства на социальном треке, она, наверное, присутствует.

Глеб Павловский. Но есть еще и газификация.

Дмитрий Медведев. Это, как я уже неоднократно говорил, корпоративный проект, но национального значения. Действительно, без газификации значительная часть других национальных проектов просто не может осуществляться. Это и аграрный бизнес. Без газификации села понятно, что достичь каких-то прорывных решений, использовать какие-то новые технологии будет почти невозможно. Это промышленность строительных материалов. Вот у нас цемента везде не хватает, мы его возим из Турции и Китая. Дожили! А цемент напрямую связан с газом. Если будет подведен газ, можно осуществлять производство цемента. Так что это связанные вещи.

Глеб Павловский. Спасибо. Извиняюсь перед молодыми людьми. Игорь Чересиз, «Наша страна», Владивосток.

Игорь Чересиз. Добрый вечер, Дмитрий Анатольевич. У меня к вам следующий вопрос. Может быть, странно, что именно я его задаю, скорее он должен был прозвучать от прекрасной полови-

ны человечества. Это вопрос о материнском капитале. Принято считать, что это такая благодарность государства за рождение ребенка.

Мне хотелось бы у вас уточнить: действительно ли вы полагаете, что это скорее материальная компенсация за рождение ребенка или вы придаете материнскому капиталу какое-то более широкое значение в рамках национального проекта?

Дмитрий Медведев. Я думаю, Игорь, что ответ для вас очевиден, хоть вы и не женщина. Конечно, смысл материнского капитала не только в том, чтобы отблагодарить женщину, это тоже очень важно, но и в том, чтобы простимулировать ее на развитие семьи, на воспитание ребенка и формирование источников своего благополучия в старости.

Мне уже неоднократно приходилось на этот вопрос отвечать. Считаю ли я, что материнский капитал в должной мере мотивирует женщин на новое деторождение? Я считаю, что да. Почему? Потому что мы – небогатая страна. Мы – развивающаяся экономика, я бы даже сказал, бурно развивающаяся экономика. Но мы пока небогатая страна. И для наших женщин те деньги, которые государство выделяет за рождение второго и последующих детей, – все-таки это довольно значительная сумма. Хотя если сопоставить с выплатами в других странах... Это и по сравнению с теми выплатами – весьма приличные деньги. Я нашел только две, по-моему, страны, где за рождение детей, тоже не первых, выпла-

чиваются чуть большие суммы, но там разница на 20–30%. И это страны, которые по валовому внутреннему продукту на душу населения пока еще, к сожалению, довольно существенно нас превосходят.

Поэтому мой ответ – да.

Материнский капитал мотивирует. Но является ли он универсальным средством? Конечно, нет. Должна быть создана атмосфера, в которой молодые семьи просто будут стремиться к новым рождениям.

Почему произошел провал в 1990-е годы? Люди не видели никаких перспектив. Уж лучше мы сами будем мыкаться, чем, извините, рожать нищих.

Почему у нас сейчас есть шансы эту проблему если не кардинально улучшить, то переломить вот этот негативный демографический тренд? Потому что люди увидели перспективы. И женщины, прежде всего, увидели эти перспективы. Но одним материнским капиталом дело не обойдется. Необходимы и другие пособия, которые в рамках демографического проекта есть, самым активным образом развивать, пропагандировать.

Потому что я столкнулся с этим. Месяц первый прошел работы над демографической темой. Не знают ничего. Мы когда между собой что-то тут обсуждаем, конечно, мы в курсе, в теме. На уровне бытового восприятия кажется, что уж говорим, говорим об этом, уже возникло ощущение некой усталости. Ну что вы все про эти национальные проекты, про демографические программы! А люди не знают. Это удивительно, но это так.

Поэтому мы и дальше об этом будем говорить, просто потому, что видим в этом прямой позитивный эффект. Женщины должны знать о демографических программах. Семьи должны знать о тех

возможностях, которые создают программы приема детей на воспитание, новая заработная плата для родителей, взявших таких детей, и так далее. Я думаю, что у демографической программы все-таки есть шансы стать удачной программой, если мы будем работать по всем трем направлениям: увеличению количества рождений, сокращению количества смертей от управляемых причин, то есть от естественных причин, которые, к сожалению, тоже в нашей стране распространены, и заниматься эффективной миграционной политикой. Тогда мы сумеем выйти на те цифры, которые для нас являются контрольными.

Глеб Павловский. Там давно уже Александр Ярош тянет руку, из «Наших» в Курске. Его работа, с моей точки зрения, лоббирует интересы учительской корпорации.

Александр Ярош. Спасибо большое. Мой вопрос.

Дмитрий Анатольевич: как вы оцениваете эффективность регионального государственного менеджмента?

Актуальность вопроса связана в том числе с вашей публикацией в «Коммерсанте». Вы говорите о том, что в России существенные региональные экономические диспропорции, которые «рвут ткань» нашей страны и являются вопросом национальной безопасности. В этой связи как вы оцениваете собственно качество управленцев в регионах? Есть ли какой-то рейтинг регионов по уровню и современности этого менеджмента?

Дмитрий Медведев. По-разному оцениваю. Есть регионы, где качество менеджмента очень неплохое, и есть регионы, где так себе. В целом, работая над проектами, все стараются. Искренне абсолютно говорю. Я ни разу не встречал такого халатного, безразлич-

ного отношения типа «какая-то очередная дурная федеральная инициатива. Мы тут что-то сделаем и руки умоем». Нет. Действительно всем интересно, все занимаются. Абсолютно все. И все регионы, где я был, а я, по-моему, 43 или 44 региона посетил в прошлом году, – везде такая реальная живая работа. Но у кого-то получается, а у кого-то нет. У кого-то из губернаторов сильная команда, у кого-то послабее. Я бы, конечно, никого не хотел ни обижать, ни называть, но это действительно так. Это первая вещь.

Вторая вещь, которую вы совершенно правильно отметили в моей статье, – это региональные диспропорции. Команда может быть фантастическая, но если регион «убитый», если им никто не занимался десятилетиями, если он просто трудный по количеству населения, по удаленности от центра, по разбросанности населенных пунктов, тут реально труднее этим заниматься. Это совершенно очевидно.

Одно дело – Европейская часть нашей страны, а другое дело – Сибирь или Дальний Восток, там все гораздо труднее. У нас расстояния измеряются километрами, там – сотнями километров. Те коллеги, которые живут в этих местах, хорошо об этом знают.

Для нас поездка на 300–400 километров – это поездка в другой регион. А для наших товарищей, которые там работают, это путь из одного районного центра в другой. Иногда маршрут школьного автобуса, собирающего детей, – это поездка на сотни километров. Этого не может понять ни один житель стареющей матушки Европы. Такие расстояния нужно осознать.

И из-за этих региональных диспропорций действительно возникают и угрозы национальной безопасности, которые должны

разрешаться в том числе и в рамках национальных проектов, но не только. Потому что они — это все-таки в большей мере социально-экономическая работа.

Есть работа просто по укреплению государственной «ткани жизни» — граница и все, что связано с обеспечением национальной безопасности.

По поводу рейтинга. Мы, естественно, ведем учет успехов и неудач. В этом смысле можно говорить и о существовании рейтинга, но это довольно условная вещь. Потому что, я сказал, невозможно, допустим, сопоставлять ситуацию в Москве и на Камчатке просто объективно. Потому что разные регионы с разным количеством денег, с качеством управления, трудностями и так далее. Но, тем не менее, есть показатели, которые в целом являются достаточно объективными, по ним идет учет. Кроме того, сейчас вообще в государстве разрабатывается система учетных показателей, по которым государство и правительство будут определять тех, кто достигает соответствующих экономических результатов или не достигает, и в зависимости от этого принимает решения о трансфертах, о субсидиях, о государственных гарантиях и так далее. Но это общая часть, в общем и целом.

Глеб Павловский. Спасибо. Кто там у нас? Надя Орлова. Ее работа мне запомнилась тем, что она сравнивает приоритетный национальный проект с тумбочкой, в которой сложены программы разного уровня.

Надежда Орлова. У меня вот какой вопрос.

Каков принцип включения существующих местных программ в национальный проект «Доступное и комфортное жилье — гражданам России»? Как они туда попадают или попали?

Дмитрий Медведев. Надя, я вам совершенно откровенно скажу: все, что ни делается в регионах, все — в копилку общего проекта. Мы никогда этого не делили и не будем делить.

Нашим гражданам совершенно безразлично, за счет чего решена их жилищная проблема. Поучаствовали здесь федеральный центр или губернатор, какие там деньги. Хотя главный принцип, на котором жилищный проект осуществляется, это принцип софинансирования в самых разных вариантах.

Может быть, это третий позитивный эффект от работы, о двух я сказал в прошлом году. Это то, что софинансирование стало очень эффективным. Откровенно говоря, я даже не ожидал, что оно будет именно таким эффективным. Если вы о тумбочке, то те денежки, которые в регионах накапливались и были сложены в тумбочке, они оттуда достают. Это очень хорошо. Нас периодически упрекали в том, что мы просто тратим федеральные деньги без каких-либо внятных последствий. Мы считаем, что это не так. Во-первых, потому что результаты есть, есть материальные результаты — это техника, машины, зарплата и так далее. Есть отдаленные результаты — это программа модернизации образования. И есть, наконец, софинансирование, которое осуществляется не только федеральным центром, но и регионами. Поэтому все что ни принесут в копилку проекта «Жилище», все для нас хорошо и дорого.

Глеб Павловский. Хорошо. Это «Молодая гвардия» у нас, Надя Орлова. А кто еще? Андрей Палютин из «Школы молодого лидера», Самара.

Андрей Палютин. Добрый вечер, Дмитрий Анатольевич. У меня такой вопрос. Может быть, он покажется простым, по крайней мере, для вас.

Лично для вас, Дмитрий Анатольевич, каковы критерии успешности реализации национальных проектов? Что это для вас — цифровые какие-то показатели, изменение системы в целом? Что должно в 2009 году произойти?

Дмитрий Медведев. По-хорошему, все должно радовать. Если не получаешь удовлетворения от мелочей, то, наверное, и общий результат не возникнет или будет не таким интересным. Мелочи — это, конечно, вещь условная. Для, например, нашего здравоохранения те 6 тыс. машин, которые отправились в регионы, машин санитарного автотранспорта, скорой помощи — совсем не мелочь. Я сегодня где-то то ли в газете, то ли в Интернете посмотрел. Кто-то из врачей говорит: «Шесть тысяч машин. Что это в масштабах страны?»

Нет. За всю историю развития российского и советского здравоохранения никогда такого количества машин скорой помощи не поставлялось. Никогда. Мы поменяли треть автопарка. И поменяем в этом году вторую треть. И это совсем другие машины. Если, не дай бог, кто-то из вас видел, это уже машины, которые по-другому смотрятся. Там дефибрилляторы стоят, там другие достаточно сложные медицинские технологии используются, там просто прилично. Когда люди едут, их не трясет, как раньше.

Это, конечно, не мелочи, но это вещи, которые можно сегодня потрогать. Это касается заработной платы не для всех, а для отдельных категорий. Но, тем не менее, это есть. Это гранты, это медицинская техника, которая сегодня работает. И, кстати, за прошлый год уже на этой новой технике миллион человек прошли диагностику. Хороший результат на самом деле. В этом году

все это продолжится. Но это конкретные результаты, цифровые результаты, то, о чем вы, Андрей, спрашиваете.

Что является более отдаленным результатом? Для меня как для человека, который занимается вопросами государственного управления, работает по этим вопросам, важным является успех модернизации этих сфер. Это очевидно более сложная вещь. Потому что для того, чтобы перевести на новую основу работу здравоохранения и образования, потребуются существенные усилия и организационные, и финансовые.

Вообще-то мы даже, может быть, сегодня не до конца понимаем, какие фундаментальные сдвиги будут происходить. Мы подходим к этим вопросам очень аккуратно, с тем чтобы не разрушить существующую сегодня социальную микросреду.

Она уязвима, она с элементами еще советской инфраструктуры и, может быть, построена на каких-то еще советских принципах. Но она существует сегодня, и ее просто так разрушать нельзя – без того чтобы предложить адекватную замену. Но делать это необходимо. И внедряя новую систему оплаты труда в образовании, в здравоохранении, внедряя новые формы работы в деревне, предоставляя кредиты в деревне. Вот это более, может быть, отдаленные вещи. И о том, насколько нам удалось достичь этих вещей, конечно, уже судить не нам. Это будет видно чуть позже. Хотелось бы верить, что мы сумеем всех этих вещей добиться.

Глеб Павловский. Вопросов уже было много. Может быть, один вопрос, последний – девушке?

Дмитрий Медведев Давайте два.

Глеб Павловский. Хорошо. Мария Дрокова.

Мария Дрокова. Здравствуйте, Дмитрий Анатольевич. Я как объект финансирования программы «Талантливая молодежь» хочу вас заверить, что уезжать из России я не собираюсь. Те мои знакомые, которые даже получили гранты, они тоже собираются работать на благо родины. У меня следующий вопрос.

Что такое национальные проекты? Это проекты, от которых зависит будущее страны. Но есть такой момент: ни в одной из школ и ни в одном из вузов нет ни одного предмета, на котором ребята говорят об этом будущем.

Я знаю, что есть в Америке проект, в рамках которого дети пишут свою программу процветания государства, получают за это премии, и эти программы частично реализуются. Пока что у нас нет таких аналогий. На мой взгляд, эти аналогии необходимы, и такой предмет необходим. Я бы хотела у вас спросить, возможно ли введение такого предмета в рамках национального проекта? И, если вам это интересно, я долго думала, у меня есть очень много предложений, и я могла бы поучаствовать на своем уровне в реализации проекта.

Дмитрий Медведев. Это классно, что вы куда-то уезжать не собираетесь и другие ваши коллеги тоже. По поводу предмета. Это что, так сказать, некое видение будущего должно на этом предмете обсуждаться? И раз уж у вас есть предложения, вы тогда прямо сейчас их сформулируйте. Я готов письменные какие-то идеи посмотреть. У вас есть предложения, куда интегрировать этот курс?

Мария Дрокова. Я думаю, что этот курс можно интегрировать в школьные программы, в какие-то вузовские программы. Я – студентка МГУ, у меня есть страноведение, у меня есть культурология. И там и здесь мы изучаем современный Запад. О России мы не говорим. Мы не говорим о сегодняшней России, мы не говорим о завтрашней России, мы не думаем о том, как мы будем жить через десять лет, то есть молодые люди... в принципе у них нет потребности об этом задумываться и такого интереса. Интерес этот может быть как-то привнесен с помощью введения такого курса.

Дмитрий Медведев. Вы знаете, судя по всему, интерес все-таки есть, раз вы об этом так увлеченно и интересно говорите. По своим каким-то студенческим воспоминаниям, думаю, что дело тут не в формировании какого-то специального предмета на эту тему. Мне кажется, что такого рода вещи могут рассматриваться на самых разных лекциях и семинарских занятиях по самым разным предметам. Потому что

видение того, как будет развиваться страна, возможно под разным углом зрения. Это может быть взгляд экономиста, историка, юриста, физика. Можно, конечно, попытаться придумать и какой-то универсальный предмет,

и, наверное, это неплохо. Но мне показалось, что это все-таки что-то ближе к философии или, во всяком случае, какое-то из ответвлений философских, может быть спецкурс какой-то, и так далее. Но, наверное, это можно сделать и как-то иначе. И если у вас есть уже оформленная идея, то давайте подумаем.

Мария Дрокова. Хорошо. У меня есть идеи. Я их, если это возможно, передам.

Дмитрий Медведев. Конечно.

Мария Дрокова. Спасибо.

Глеб Павловский. Это был еще один вопрос от «Наших». Тогда последний вопрос от какой-нибудь другой организации. Вадим Лебедев, «Школа молодого лидера».

Вадим Лебедев. Мне очень понравился предыдущий вопрос, и я хотел бы его углубить, но в деловом аспекте. Взгляд на финансирование национальных проектов показывает, что вообще не планируется, что все в них будет делать государство. Денег просто не хватает, они несопоставимы с другими расходами, с теми же общегосударственными расходами, заложенными в бюджет. И, соответственно, возникает мысль, что национальные проекты – это не столько бизнес-проект, который осуществляет государство, которое, как известно, хозяйственной деятельностью полностью не занимается, а это некое послание и некое формирование горизонта будущего. Это воронка, в которую должно всосать бизнес, общественные силы и вообще всех, кто к своему будущему небезразличен. Я хотел бы вас спросить. В частности, когда речь идет о бизнесе, вы сказали о проблеме, допустим, отсутствия цемента: есть и «Евроцемент», но в то же время есть отрасль, которая сейчас практически развалилась, и неизвестно, удастся ли ее удержать. Это, допустим, производство ЖБИ – рейдерские захваты в последние годы ее практически разрушили. Но еще есть и малый бизнес. Малый бизнес чем отличается от крупного? Тем, что он может делать однообразные вещи во всех отдаленных уголках страны. В тех, куда крупный бизнес никогда не пойдет, а малый там живет.

Вопрос: какие механизмы включения в национальные проекты самых разнообразных общественных сил?

Вы сказали про один – софинансирование. Но есть гипотеза, что должна быть некая идеология, и СМИ должны подавать нац-проекты не как то, что делается государством, а как нечто, куда можно включаться. Как это планируется делать и планируется ли?

Дмитрий Медведев. Конечно, национальные проекты – это не просто бизнес-проекты. Они очень разные по своей природе, по сути, это часть нашей обычной жизни.

Если, например, в сельском хозяйстве национальный приоритет – это приоритет по развитию аграрного бизнеса, а стало быть, развитию нормальной жизни на селе, формированию новой инфраструктуры. Но, тем не менее, это в чистом виде такая бизнес-программа, потому что прежде всего это возможность получить дополнительный недорогой кредит.

Применительно к образованию и к здравоохранению это, конечно, не бизнес-проект, а просто осуществление государством своих основных функций в социальной сфере. Поэтому эти проекты в известной мере разнокалиберные, при этом это не означает, что, допустим, аграрный проект носит подчиненный характер по отношению к другим проектам. Просто это те сферы, которые сегодня наиболее сложны в нашей жизни, те, где проблемы копились десятилетиями.

Вы привели пример с цементом и с набором компаний, которые этим занимаются, ситуацию в железобетонной нашей промышленности. Там проблемы, на мой взгляд, проистекают не только от рейдерства. Наверное, это тоже проблема большая, и с ней нужно разбираться. Но в течение 1990-х годов обе эти строительные отрасли просто разваливались из-за того, что не было никакой активности. Не нужно было это. Практически нулевой рост был строительства, и, конечно, очень большое число предприятий такого рода пришли в негодность, были перепроданы по дешевке, закрыты, перепрофилированы и так далее. Поэтому, когда государство начинает уделять внимание вот этим вопросам, это сигнал бизнесу, что можно планировать инвестиции, всем этим заниматься.

Что мы в результате хотели бы от этого получить и кто должен участвовать в этой работе? Я все это время пытался на этот вопрос ответить. Вы знаете, мы должны уже просто прийти к такому очевидному выводу, что

если этими проектами не будут заниматься все заинтересованные люди, то у нас просто ничего не получится. Очевидно, что это наша совместная работа. Работа по обустройству государства, того дома, где мы живем, причем самых разных частей этого дома.

И, как это ни пафосно звучит, но на самом деле успех национальных приоритетов зависит от работы каждого из граждан. Если мы чувствуем в себе силы развивать страну, ее социальную сферу, то тогда и с национальными проектами получится. Если же это рассматривать как задачу только федеральных властей или отдельных социальных групп, которые заинтересованы в этом, то, конечно, ничего не выйдет. Мы же делаем все это не для того, чтобы удовлетворить корпоративные интересы, допустим, врачей и учителей — это тоже очень важно, они мало денег получают, они недовольны своей жизнью, но нам-то нужно не только это. Нам нужно, чтобы у нас качественное образование было, чтобы у нас было хорошее здравоохранение, чтобы люди не болели и не умирали в 40 лет. Это элемент общей работы.

Я в заключение хотел бы сказать, что мне очень приятно было разговаривать с вами, потому что все-таки национальные проекты — это довольно такая, на первый взгляд, скучная работа. Много об этом говорят, в одно ухо влетело — в другое вылетело, чем-то там занимаются. Из того, что я сегодня услышал, для меня, может быть, самым ценным является то, что даже такие молодые

люди, как вы, понимают, насколько важна эта деятельность. Мне кажется, мы не должны стесняться тех проблем, которые у нас накопились за, может быть, последние 15–20 лет, и тех проблем, которые вообще никогда не решались, даже в советский период. Надо этим заниматься и превращать это в полноценную работу всех наших людей. Поэтому я хотел вас, уважаемые коллеги, поблагодарить за внимательное участие, за то, что вы написали вот эти опусы на тему национальных проектов, на самом деле действительно интересные. Я сейчас не буду подвергать анализу каждый из них. Но еще раз повторю то, что сказал в начале, — здорово то, что это как минимум пробуждает воображение и здесь описываются различные стороны того, чем мы занимаемся. Это очень хорошо. Спасибо.

Глеб Павловский. Давайте поблагодарим Дмитрия Анатольевича, пожелаем ему успехов, чтобы у него все получилось, потому что мы все в этом прямо заинтересованы. Дмитрий Анатольевич, большое вам спасибо, что уделили время.

Для заметок

СТАВИМ НА ЛИДЕРОВ!

Встреча Первого заместителя
Председателя Правительства Российской Федерации
Дмитрия Медведева с представителями молодежных
организаций в издательстве «Европа»

Директор *В. Глазычев*
Главный редактор *Г. Павловский*
Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*
Редактор *В. Быкова*
Технический редактор *А. Монахов*
Корректор *В. Кинша*
Верстка *О. Павловский*

*В оформлении обложки использована
фотография PhotoXPress*

Подписано в печать 14.01.2008. Формат 60×84 ¹/₁₆
Гарнитура Newton.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,79.
Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.
тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru
www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Баккара-принт»